

сти свидания с женой, о старце, роняющем от радости посох, и т. п. еще вполне абстрактны, — но вот сцена в таверне у простых людей: «весь стол наострил уши, все вслушиваются в рассказ Ганса, соседского сына. Ганс режет и ест за двоих, а в промежутке прочищает пивом горло. Братцы, говорит он, смотрите сюда! Пусть это будет Дунай (тут он пивом провел полосу на столе), отсюда мы атаковали, здесь стояли турки. Дело вышло жаркое, вам и не понять! Убей меня бог, но вы поверите мне и без клятв».³⁵ Ломоносов помнит эту строфу (его «пастух» идет от этого Ганса) и не может не помнить: мы точно знаем, какой шум она вызвала в тогдашней литературной Германии; между тем у него нет даже начаточной попытки развить «пастуха» в жанрово-бытовую картинку. Следовательно, Хотинская ода написана условно; автор помнит официальную ее цель, официального адресата (петербургскую Академию) и выдерживает официальный стиль. Это не мешает Ломоносову (как не помешает и позднее в гениальных одах 1740-х гг.) вложить в официальные формы целую систему национально-патриотических взглядов (о чем ниже), но эти взгляды, взгляды русского человека и великого русского общественного деятеля, конечно, ни в каком отношении не стояли к немецкой университетской и литературной обстановке. Особой и «условной» мы называем Хотинскую оду по соотношению тому плебейскому *Sturm und Drang*'у, социальные страсти которого остались у Ломоносова литературно невыраженными, но кипели в его молодой душе.

Не всегда Ломоносов был поэтом индустриализации, государственной мощи и научного строительства. У него была своя молодость. Своего «Вертера», «Разбойников» и «Кавказского пленника» он не написал. Поэтому только анализ косвенных данных позволяет открыть и осветить целый «гюнтеристский» период в его развитии. Гюнтеризм (своего рода вертеризм за полстолетия до «Вертера») был лучшим, значительнейшим явлением в печальной литературной жизни долессинговой Германии, отдаленным предвестием назревающего литературного переворота. Немецкое буржуазное литературоведение никогда не умело понять место Гюнтера; ему обыкновенно уделяется в компендиумах несколько абзацев, редко короткая глава; литература диссертаций почти обошла его; не собрано еще и не издано пристойным образом его литературное наследие. Это научное равнодушие, продолжение официального мнения современников о беспутном кутиле, растратившем попусту свои таланты, конечно, не случайно. Плебейский гений, сломленный неблагоприятной, уродливой обстановкой эпохи, был всегда не по душе немецким доцентам. И обратно: понимание, уважение и любовь к Гюнтеру нашего великого плебея Ломоносова глубоко и полно характеризует обоих.

³⁵ *Günther J. Ch.* Auf den zwischen ihre röm. kaysrll. Majestät und der Pforte 1718 geschlossenen Frieden. — В кн.: Ломоносов М. В. Соч., т. I, примеч., с. 68.